

Г.А. ГОЛЬЦ

Культура и экономика: поиски взаимосвязей

Любой этнос или суперэтнос опирается на устойчивый фундамент социально-психологических и социально-культурных установок, мало подверженных изменениям по сравнению с иногда достаточно сильно колеблющимися внешними факторами. Правда, если эта колеблемость превосходит определенный рубеж, она входит в тело культуры, включается в создание менталитета народа. Внешние факторы могут иметь географическую, экономическую, политическую, научно-образовательную, технико-технологическую и информационную природу. В конечном счете в наиболее интегрированном виде действие этих факторов можно представить как формирование определенного уровня разнообразия внешней среды. Ясно, что психологические структуры человека невозможно полностью синхронизировать с изменяющимися внешними факторами, ибо эти структуры имеют принципиально меньшую адаптационную скорость, чем скорость изменчивости либо диапазон колеблемости внешней среды. Первая научная проблема состоит в том, чтобы определить границы синхронизации скорости изменения психики людей со скоростью движения внешних факторов.

Технологический и особенно информационный прогресс общества привел к тому, что в помощь человеку пришлось вводить промежуточные устройства, чтобы не привести к разрушению его психических структур. Вторая научная проблема определяется дилеммой: может или не может психический склад людей сделать скачок на пути развития постиндустриального и информационного общества или неизбежно придется и дальше встраивать все новые и новые демпферы между технологическим процессом и психикой людей. Как в фантастических сочинениях-предсказаниях создаются разнообразные устройства искусственного интеллекта, биороботы, киборги, андроиды и т.п., чтобы каким-то образом преодолеть возникающий барьер между технико-технологическим прогрессом и психикой. Такое развитие может принципиально изменить взаимоотношение человека с техникой, "думающие" высокотехнологические устройства могут начать командовать людьми. А нужно ли это нам?!

Думается, подобные проблемы современного человечества на пути философствования или построения логических умозаключений решить невозможно. Более того, видимо, без принципиально новых знаний в данной области невозможно подобрать ключи или подходы к их решению. Прежде всего следует знать реальный вид функций адаптационных психологических траекторий, причем в долговременной динамике и в количественном выражении.

Инструментальные и экспериментальные исследования в психологии дали знания о виде некоторых адаптационных функций для краткосрочных интервалов. Особенно эффективно это направление развивалось в инженерной психологии. Однако для долговременных прогнозов таких данных пока нет, хотя имеются попытки приблизиться к постановке их исследования и понимания в двух научных направлениях: истории ментальностей ("школа Анналов"), а также историометрии или клиометрии.

Мною предпринята попытка на базе изучения ряда важных социально-культурных и технико-технологических процессов развития России за продолжительное время найти

вид функций их взаимной синхронизации. Думаю, это будет способствовать приближению к познанию адаптационных психологических траекторий или динамической обратной связи между ними.

Сточки зрения целей стратегического планирования и прогнозирования важно понять место коллективной социальной психологии и вообще духовной культуры людей в системном единстве основных процессов в экономике. В официальной статистической версии "культура" входит в блок "социальная сфера" (уровень образования населения, число учебных заведений и количество учащихся в них, подготовка научных кадров, массовые библиотеки, театры, музеи, киноконцертные залы, клубные учреждения, печать, радио, телевидение, электронные средства связи). В последнее время стали публиковаться данные о вероисповедании. Ясно, что на основе таких данных весьма сложно построить емкий эквивалент психокультурного состояния общества - менталитет, который на самом деле является главным проводником влияния культуры на экономику.

Это влияние в наиболее общем виде можно представить как способность содействовать или препятствовать социально-экономическому развитию. Стремление сохранить в неизменности некоторые моральные доминанты и константы определяет в конечном счете само наполнение категории духовной культуры, ее специфические черты. В российском менталитете в отличие от массового западного самосознания моральные ориентации не только не синхронны экономическим регуляциям современного общества, а, наоборот, противоположны им. Именно в этом пункте видится перманентный конфликт между экономикой и культурой, подтверждаемый, в частности, периодической сменой в России экономических реформ на контрреформы.

Будем стремиться к количественному выражению этих особенностей российского менталитета, хотя заранее ясно, что прямой адекватный измеритель едва ли когда-либо удастся найти. Его скорее можно обнаружить по косвенным проявлениям и реакциям населения в ходе общественного развития.

Зададимся вопросом: в каком соотношении с отдельными сторонами экономики находится статическое и динамическое разнообразие культуры? Напрашивается гипотеза, что традиционная культура противодействует разнообразию, сдерживает проникновение социально-экономических и технико-технологических новаций в культурный багаж, создавая на продвинутых направлениях своеобразный "защитный экран" или подвижную псевдокультуру, которая захватывает главным образом молодежные слои. Большое и емкое понятие "культура" в предпринимаемом анализе целесообразно раздробить на главные составные элементы. Это элитная культура, массовая культура и традиционная культура.

Элитная культура - наиболее продвинутый, подверженный инновациям и качественным перестройкам слой культуры. Массовая культура - подвижный защитный слой, предохраняющий менталитет от глубоких подвижек. Традиционная культура - фундаментальная основа культуры, источник народного менталитета.

Изменения в социально-духовном климате общества прежде всего воспринимаются элитной культурой. Затем эти изменения начинают перетекать (порой в совершенно неузнаваемом виде) на уровень массовой культуры, лишь в исключительных случаях затрагивая фундаментальные пласты народной архаической культуры. С точки зрения понимания механизмов движения совокупной духовной культуры общества важно понять соотношение скоростей движения новаций от элитной культуры к массовой, а затем и к народной.

Можно предположить, что в российской культуре новации в элитной культуре происходили всегда с большей скоростью, но по мере трансляции их в следующие слои скорость передачи и движения прогрессивно падала, а с подходом к уровню традиционной культуры вообще сокращалась практически до нуля. Поэтому в отличие от западных образцов в российских условиях народная архаическая культура существует не как атавизм или реликтовая достопримечательность, а как повседневная данность или *главное тело культуры*. И дело не в каких-то внешних атрибутах - костюмах,

песнях, говорах и т.п., а в самой сути социально-культурных реакций населения на изменения внешней среды. Более того, внешние культурные формы, о которых шла речь, в российских условиях не имеют принципиального значения. "Свой" узнается не по одежде или манерам, а по психологической или обратной связи на протекающий информационный обмен.

Исподволь подходим к принципиальному выводу, что духовная культура существует как *независимая фундаментальная сущность* и ее взаимоотношения с материальной культурой не так прозрачны и определены, как казалось совсем еще недавно. Вообще уровень развития общества, видимо, следует измерять не только по уровню развития производительных сил, а по доминирующим типам социально-психологических отношений. Их многообразие можно свести к формальным, или государственно-иерархическим, чисто денежным, натурально-безденежным, неформальным ("по знакомству"), семейно-родовым (личной зависимости), национально-групповым, религиозным, клановым и, наконец, гражданским.

Именно эти социальные отношения реально управляют культурным состоянием общества. По удельному весу того или иного типа отношений в конечном счете можно судить о реальном уровне развития культуры того или иного общества. В частности, в российском обществе преобладают неформальные и семейно-родовые отношения. Поэтому мгновенный переход к типу чисто денежных и гражданских отношений был не адекватен российским культурным устоям. Либеральные экономические реформы в таких условиях оказались обречены. Все движение интеллектуальной мысли замкнулось в пределах элитной культуры, в которой действительно произошла рыночная революция. Но дальше культурное движение не пошло, массовая культура ответила нарастающим криминалом и примитивизацией отношений среди молодежи, упрощением языка повседневного общения с массовым вбросом в него "блатного" жаргона. Более того, средства массовой информации, а также популярная литература стали подстраиваться под деградирующую массовую культуру. Благодаря этому и разрыв между народной и элитной культурой, который и ранее был значителен, стал с нарастающей силой увеличиваться.

Отдельные интеллигентствующие слои элитной культуры оторвались от народных слоев, не имея необходимой защиты и поддержки в массовой культуре. Давние традиции высокого российского уровня образования потеряли прежний престиж. Незаметно, но реально рыночная революция захлебнулась. Зато произошла деградация культуры: перестал действовать инновационный "мотор" элитной культуры, массовая культура трансформировалась и приблизилась к традиционной, архаической. В этой связи можно смело сказать, что потери в экономике печальны, но в конечном счете восполнимы. Потери же в культурном движении - это уже цивилизационная проблема.

Рассматривая место культуры в экономике, следует обратить внимание прежде всего на двойственный характер ее влияния на экономическое состояние общества в целом. Материальная культура, уровень мировоззренческой и профессиональной подготовки трудовых ресурсов, система материальных ценностей и мотиваций в труде, система рекреационной передышки между трудовыми усилиями, особенно во время отпуска и в конце недели, - это все атрибуты общей связки "труд-экономика-культура". В данном взаимосвязанном конвейере отношений в западном, особенно американском обществе все ясно и предельно отработано. Здесь нужна только такая культура, потенциально способная давать наивысшую производительность труда. Культура как самоценность, как наивысшее проявление высоты человеческого духа отступает при этом на второй план. Нужна только такая духовность, которая направлена на трудовые подвиги, на продвижение личности в деле добывания вновь создаваемой общественной стоимости.

При преобладании в недрах культуры традиционных идеалов направленность на достижение наивысшей производительности труда естественно отступает не только на второй, а, скорее, вообще на задний план. На передний план выходят моральные устои, архаические ценности, вековая устойчивость социально-психологических отно-

шений. Исключительную общественную ценность приобретает такое трудно измеряемое качество индивида, как "высота духа". Экономические блага сводятся в таких условиях только к функциям минимальной подпитки жизненных сил, необходимых для поддержания жизни как таковой. Самоограничение, аскетизм, воздержанность, скромность, смирение концентрируются на одном полюсе жизни общества, в то время как на другом царит полная им противоположность - невоздержанность, разгул, иступленное отрицание прежних идеалов. Западное общество потратило в общей сложности почти 400 лет, чтобы на духовном уровне создать идеалы, заставляющие человека с детства и до глубокой старости интенсивно трудиться. Труд и деньги при такой ориентации становятся самоцелью. Они обеспечивают устойчивое благосостояние, но, безусловно, духовно обедняют человека.

Однако законы экономики неумолимы, и как только любая страна полноценно входит в мировое хозяйство, она должна выполнять правила игры денежно-ориентированной социальной психологии. Совместить надденежную культуру с денежной - проблема, которую не могли разрешить правители России начиная с Петра I. Как бы ни пытались прикрыть и растворить в частностях это главное противоречие, оно все равно постоянно стоит во весь рост. Простому россиянину очень трудно объяснить, почему надо натужно трудиться, если вокруг так много других прелестей жизни, если страна такая большая и в ней так много пашни, нефти, газа, урана, золота, бриллиантов, леса и многого другого. Поэтому чтобы внедрить полностью денежную психологию, следует иметь в России других людей. Это невозможно по определению, значит, в принципе рассматриваемое противоречие не снимаемо. Учитывая эту особенность культуры России, следует идти на компромисс, создавая не западную, а другую психологию экономики.

Природа российского менталитета. Уникальные и универсальные свойства российской культуры

В уникальности русской культуры кроются причины многократных неудач либеральных реформ в стране. В то же время именно на основе осознания, освоения этой уникальности открываются возможности для выхода на поле реально действующих механизмов, которые можно использовать в конструктивном поле прогнозирования и управления. В самом деле, российские реформаторы уже 300 лет пытаются вывести устойчивый маятник русской культуры на режим другого маятника - европейского или западного типа. По разным оценкам, за последние 300 лет было предпринято 14 таких попыток. При этом следует сразу сказать, что западный маятник не лучше и не хуже отечественного, он просто другой.

Сосредоточив внимание на проблеме, почему на территории России устойчиво воспроизводится один и тот же тип культуры, который слабо трансформируется, несмотря на изменяющиеся внешние формы, и который однозначно себя проявляет во времена социальных потрясений. Именно в такие периоды маятник культуры начинает раскачиваться с такой силой, что, кажется, вполне способен оторваться от своего основания. Но этого не происходит, модное сейчас понятие "бифуркация" не осуществляется, и в ядре массовой культуры все остается по-прежнему.

Культурологи и вообще обществоведы, анализируя эту проблему, неизменно осваивают ее с позиций архаической языческой и затем православной религии. Не отвергая этой широко распространенной позиции, попытаемся ее дополнить совершенно с другой стороны - со стороны уникальности природных условий, в которых вызрела языческо-православная культура русского народа. Подспорьем в таком подходе будет мое понимание религии как способа "координации духовного начала человека с окружающей его культурой" [1]. Культура изначально по отношению к религии, а не наоборот, хотя взаимовлияние их нельзя отрицать. Религия приспосабливается к развивающейся культуре, и если она устойчиво воспроизводит свои формы тысячелетней давности - значит, устойчива та культурная основа, на которой она произрастает и питается.

По А. Ахиезеру, раскол [2, 3] в русской культуре можно представить как отсутствие компромиссной зоны во взаимоотношениях, как бы мгновенное изменение смысла и на этой основе обычное в российской истории ниспровержение прежних кумиров и вождей. Обычные для европейца лояльность и компромиссность во взаимоотношениях и культурных оценках здесь уступают место природной склонности к крайностям, которая возникла якобы на базе древней манихейской религиозной традиции. Именно это свойство массовой культуры затрудняет продвижение и реальное выполнение правовых норм демократического толка.

Моя же концепция состоит в том, что свойство крайностей в культуре возникло на базе исключительной колеблемости природных условий континентальной центральной части России - основы расширяющегося сначала Московского княжества, а в последующем Российской Империи и Советского Союза. Расселяющееся по обширной территории население уже несло в своей основе те культурные ориентации, которые вывели на просторах Центральной русской равнины. Эти предположения подтверждают исследования Л. Милова, который утверждает, что "объем совокупного прибавочного продукта общества в Восточной Европе всегда значительно меньше, а условия для его создания значительно хуже, чем в Западной Европе. Это объективная закономерность, отменить которую человечество пока не в силах" [4, с. 572]. Он выдвигает и аргументирует ряд положений, имеющих принципиальное значение для последующего изложения, а именно:

- менталитет русского народа формировался под мощным воздействием природно-климатического фактора;

- трудовые усилия крестьянина не коррелировали с мерой получаемого им урожая: отсюда чувство обреченности, равнодушия, неверия в свои силы в деле интенсификации труда на пашне;

- принадлежность земли Богу, обществу в целом - ведущая, основная идея в русской культуре.

Хотелось бы добавить еще одну деталь: в российском земледелии центральной полосы за все историческое время существовали исключительные, нигде в мире в давно освоенных регионах не повторяемые, природные условия астрономической колеблемости урожайности зерновых культур - фундамента пропитания в России. Поэтому периодически голодное и постоянно полуголодное существование народа было тем фоном или доминантой, на которых формировалась уникальная русская культура¹. Как отметил Ю. Бокарев, "характер деятельности крестьян, связанный с непредсказуемыми погодными изменениями, колебаниями урожайности, приучал их считать таковыми же и действия внешнего по отношению к крестьянам мира" [5, с. 171, 172].

Чтобы не быть голословными, обратимся к фактам. В капитальном историко-экономическом исследовании П. Першина анализируются статистические данные об урожаях по 500 уездам Европейской России за период с 1891-го по 1915 год. Отношение максимальной урожайности с единицы пашни к минимальной за этот период составляло по всем губерниям Европейской России 2,014; в том числе по 25 губерниям черноземной полосы 2,447. По отдельным губерниям зафиксирована поразительная колеблемость: Самарская - 7,303; Воронежская - 7,053; Казанская - 5,667; Симбирская - 6,246; Пензенская - 4,503; Херсонская - 3,47 [6].

Почти через столетие в период с 1971-го по 1987 год положение изменилось - колеблемость уменьшилась в среднем до 1,851, а экстремальные значения ее также снизились по областям: Калужская - 3,45; Брянская - 2,76; Московская - 2,714; Тверская - 2,47; Ярославская - 2,56; Орловская - 2,52 [7]. Колеблемость урожайности нельзя оторвать от ее абсолютного уровня, ибо при высокой урожайности ее колеблемость уже не так страшна для крестьянина: меньшая доля урожая идет собственно на пропитание и возрастает товарное производство сельскохозяйственной продукции.

¹ Здесь и далее я уделяю много внимания крестьянству и вообще сельским истокам российской культуры, так как в России массовая культура формировалась в деревне: еще в начале XX века в сельской местности проживало около 90% населения страны.

В этом отношении в близких к нам природных условиях находится Канада. Колеблемость урожайности в ней такая же, как и в России, но абсолютный уровень урожайности там больше в 1,6 раза при значительно меньшем населении. В других странах абсолютная урожайность также больше, чем в России: во Франции - в 1,5 раза; в США - в 2 раза; в Германии - в 3,9 раза, в Великобритании - в 4 раза. Уровень колеблемости урожайности в этих странах достаточно близок и находится в диапазоне 1,36-1,44 [8].

Из этих сопоставлений видно, что российское земледелие центральной полосы изначально развивалось по существу в катастрофических условиях, что не могло не отложить своего отпечатка на массовую русскую культуру. Думаю, что именно в этих особенностях кроются первопричины таких уникальных черт русской культуры, как способность к мгновенному бескомпромиссному переходу от "минуса" к "плюсу", от зла к добру. Стремление к взаимопомощи и коллективной организации соседствует с непримиримым чувством порицания индивидов, вырвавшихся "из общего стада", а генетически въевшаяся на этой основе наиболее видная на поверхности отрицательная черта - всепроникающее чувство взаимной зависти, подтачивающее и съедающее лучшие достижения и прогрессивные начинания. Непостоянство природных условий, обеспечивающих пропитание, неадекватность вложенного труда его результатам породили естественное в таких экстремальных жизненных условиях желание отдаться во власть сверхъестественных сил и обстоятельств (лежать на печи и ждать от Бога милости). Да и сама распространившаяся на Руси ортодоксальная религия раннего христианства - православие удачно закрепила и духовно институционализовала основы формирования уникальной российской коллективной психологии.

В исторической науке до конца не решен вопрос, почему центром формирования русского народа стала неудобная для стабильного пропитания континентальная центральная полоса. Обсуждая эту проблему, Ю. Жуковский в начале XX столетия делает следующие выводы:

- население исторически концентрировалось в полосе чернозема шириной в 350-700 км; чем дальше на восток, тем чернозем становится богаче гумусом (Симбирск - 19%, Саратов - 10%, Белгород - 5,8%, Рязск - 5%, Белая Церковь - 3,5%, Екатеринослав - 3,2%, Конотоп - 2,5%, Киев - 1%);

- оставалась все еще более заселенной по сравнению с восточной западная часть, несмотря на наличие на востоке более плодородного свободного чернозема;

- главная причина перемещения населения в зоны неустойчивого земледелия состоит в том, что на сравнительно новых (против киевских и новгородских земель) территориях легче было вводить централизованные порядки управления, поэтому центром объединения оказалась Москва [9].

Эти идеи дискуссионны, ибо на московских и близлежащих землях издревле жили славянские и финно-угорские племена. Парадокс заключается в том, что, видимо, то древнее население занималось не земледелием, а охотой и собирательством. Да и сейчас на северных территориях России (особенно в Сибири и на Дальнем Востоке) слабо прививается земледелие. К этому следует добавить, что исторически климатические условия в Центральной России носили волнообразный характер. И, может быть, в период очередного потепления и начался процесс перехода к земледелию, на другом же витке потепления климатические и политические условия совпали, и на этой базе сформировалось централизованное русское государство. Конечно, это гипотеза, но как иначе объяснить концентрацию населения в неудобной для пропитания зоне? Вообще, немаловажным фактором при историческом сопоставлении хода российской и европейской истории можно признать существенное запаздывание в массовом переходе к пахотному земледелию и распространению письменности.

Поразительно, что климатические и почвенные условия для земледелия асинхронны и важную роль в истошении черноземов сыграла хищническая эксплуатация человеком плодородных почв. Природные черноземы в большей части губерний к началу XX столетия были загублены человеком и пришлось заново создавать гумус с

помощью естественных и искусственных удобрений. В Западной Европе, несмотря на стандартный уровень колеблемости урожайности, в почву вносилось в десятки раз больше удобрений, чем в России. В добавление к высказанной ранее гипотезе формирования централизованного государства в центральной полосе России выскажу идею, что истощение черноземов в комплексе с набегами кочевников и удельной княжеской враждой могло подстегнуть возвращение на новых территориях к архаическому подсечному земледелию, которое в принципе могло быть самодостаточным только в условиях низкой населенности.

Центральные области исторически были лесисты. Все постройки делались из дерева. По статистике Российского общества страхования от огня, вся сельская Россия выгорала в среднем раз в 30 лет. Поэтому помимо неблагоприятных климатических условий для земледелия в культуру постоянно добавлялась компонента имущественной неустроенности, бессмысленности накопительства, ибо все поглотит либо неурожай, либо пожар. Например, в начале XIX века С. Чернов среди причин бедности крестьян называл пожары, падеж скота, лишение всего имущества, худое состояние земли [10]. Только с развитием земского управления в последней трети XIX века стали более активно поднимать вопрос о необходимости создания резервных фондов продовольствия на случай неурожая.

О размерах массового голода населения свидетельствуют данные упомянутого выше исследования Першина: доля населения Европейской России, имевшего менее 500 г пищевых веществ на человека в сутки, составляла в 1891 году 25,7%; в 1898 году - 9,7%; в 1901 году - 6,6%; в 1906 году - 17,3%; в 1911 году - 14,9%; в 1915 году - 8,3% [6]. В среднем за эти 25 лет жестоко голодало 5% населения. При этом за рубеж вывозилось не менее 20% урожая зерновых. Вот тот "рай" России Николая II, о котором иногда пишут сегодня. Особенно показательны в этом отношении плохо известные факты о том, что особенности российского менталитета привели в годы столыпинских реформ к настоящей гражданской войне: крестьяне воевали главным образом не с помещиками, а между собой. По данным Першина, в 1907-1909-х годах было 70,9% поджогов помещичьих усадеб, в деревнях - 29,1%, а в 1910-1913 годах положение кардинально изменилось, ибо помещиков подожгли лишь в 32,5% случаев, а крестьян - в 67,5% [6]. Война прошла через душу крестьянина, через его культуру, когда в общинах стали выделяться на хутора и отруба более состоятельные слои.

В связи с этим можно добавить, что наибольшего экономического развития царская Россия достигла в 1916 году, а не в 1913 году, как это было принято считать за все годы советской власти: в 1913 году мы действительно достигли максимума по сбору зерновых и удельной урожайности. По промышленному же производству максимум был отмечен в 1916 году. Об этом свидетельствует индекс роста промышленного производства в неизменных ценах: если принять уровень 1913 года за 100, то индекс 1914 года составляет 101, 1915 года - 114, 1916 года - 121; спад произошел в 1917 году - 77.

Падение экономического потенциала началось одновременно с революцией в 1917 году и достигло наибольшей глубины в 1920-1921 годах. В свете этого становится ясно, что революция в крестьянских и солдатских массах прошла в действительности не под идеологическими знаменами, как мы учили в школах, а по совершенно тривиальному мотиву — дозволенности с оружием разграбить все, что возможно. Иначе нельзя объяснить, как можно было повернуть солдат после трех лет пребывания в окопах снова на вооруженную борьбу. Молодежь с крестьянской психологией, с винтовками и пулеметами грабила, крушила, убивала, а интеллигентная верхушка большевиков-революционеров создавала культурную идеологическую оболочку под эти действия. Только примерно после полугода такого разгула новая власть взяла под контроль движение масс, создав систему военного коммунизма. Эти "наработки" были использованы затем во времена сталинского террора. Значит, архаичный крестьянский менталитет удобно использовался не только для завоевания власти, но и в дальнейшем.

Интересно, что идея "черного передела" земель (распределение всех пригодных сельскохозяйственных угодий между крестьянами по числу едоков) возникла в России до проникновения туда идей марксизма. Иными словами, идеал первобытного коммунизма стойко воспроизводился в недрах российской культуры. Вот почему сравнительно небольшой партии большевиков было так легко завоевать власть. Думаю, идеал этот не изжит и сегодня, иначе чем объяснить массовые поджоги и грабежи фермеров наших дней. Крестьянский дух, крестьянская психология, выросшая в экстремальных условиях колеблемости урожайности и приведшая к объединению коллективных усилий в борьбе с такой природной бедой сначала в общине, а затем в колхозе, отторгают попытки проникновения в такую культуру индивидуальной инициативы и возможного имущественного неравенства. Это важнейшая сторона российского менталитета, которую нельзя не учитывать в разного рода программах.

Мне могут возразить, что сегодня ситуация вроде бы принципиально изменилась: теперь в городской местности живет 73% населения, а из оставшихся в сельской местности 27% по меньшей мере половина работает в городах и рабочих поселках. Тем не менее думаю, что вот эти 13,5% населения все еще прочно держат культурные устои, не давая по-настоящему проникнуть рыночным отношениям в сельское хозяйство. Более того, очевидно, дело не только в этих 13,5%, ибо и население в городах - бывшие крестьяне или дети крестьян в первом, максимум втором поколении. В городах сложилась поэтому псевдогородская культура, а формальные показатели урбанизации, по которым мы стоим в одном ряду с самыми урбанизированными странами мира, не отражают действительной картины. По моим подсчетам, комплексный показатель не формальной, а реальной урбанизации в России в 2 раза меньше. Поэтому рыночным новациям в сельской и городской местности противостоит примерно половина населения, а не 13,5%. Это уже большая сила, которую невозможно просто сбросить со счетов.

Следует также заметить, что центры тяжести населенности и сельскохозяйственных угодий России за последние 300 лет монотонно перемещались от окрестностей Москвы на восток в район средней Волги и далее в Уральскую область Казахстана. Поэтому негативное действие исключительной колеблемости урожайности на Среднерусской равнине в какой-то степени компенсировалось перемещением центра совокупной житницы страны в районы с другими климатическими условиями. Этому в немалой степени способствовало развитие транспорта, особенно железнодорожного.

В данной связи появляется соображение о целесообразности репрофилирования сельскохозяйственной ориентации северных и центральных районов Европейской России на животноводство и овощеводство (кстати, по этому пути пошли бывшие регионы России - Финляндия и страны Балтии), а зерновое хозяйство тогда сместится в южные и восточные области. При современных достижениях техники и технологии вообще возможно создать высокоэффективное так называемое искусственное сельское хозяйство (под пленками, на искусственном грунте с электрическим освещением и т.п.), совершенно освободив его от капризов природы. Это будет наряду с распространением городской культуры реальным шагом в возможных постепенных сдвигах архаического крестьянского сознания.

Охарактеризовав истоки уникальной русской культуры, перейдем к некоторым универсальным ее свойствам, беря по аналогии также сельскую жизнь, ибо на одном и том же объекте принципиально возможно беспристрастно показать противоположные черты. Если бы вообще не было универсальных свойств в русской культуре, невозможны были бы реформы Петра I и Екатерины II, активное вхождение в мировую культуру с начала XIX века и в мировое хозяйство с последней трети XIX века, политическое и военное сотрудничество в XX веке вплоть до наших дней.

Универсальные свойства русской культуры существовали всегда, но на них не акцентировалось внимание, ибо это принималось как само собой разумеющееся. Борьба между западниками и славянофилами шла как бы в другой плоскости - куда идти, в чем искать идеалы. При этом собственно внутренние, универсальные свойства

культуры разворачивающейся идейной борьбой не затрагивались. И дело даже не в том, что в русской науке и дворянской элитной культуре было значительное число иностранцев. Универсальные свойства культуры не навязывались извне, а существовали в самом ядре культуры одновременно, образуя сплав с крестьянской общинной психологией, охарактеризованными выше уникальными свойствами. По специальному исследованию И. Янжула, среди действительных членов Академии наук в XVIII веке было 68,2% принятых на работу иностранных граждан, в XIX веке и начале XX века вплоть до 1912 года - 26,5% [11], а в числе основателей компаний иностранных граждан было: в 1835 году - 15,3%, в 1865 году - 12,4%, в 1896 году - 11,3%, в 1911 году - 6,1% [12].

Одна из характерных черт универсальности - расселение. Проанализируем, как развивалось сельское расселение в XV-XVI веках, например, в Новгородской губернии. По данным историков, в 1550 году в этой губернии было 35 тыс. поселений, в 1600 году - 23 тыс., в 1787 году - 9,5 тыс., в 1860 году - 10 тыс., в 1906 году - 10,5 тыс., в 1916 году - 14 тыс. [13]. Населенность двора в начале периода была примерно 2,54, т.е. в деревне в начале XVI века жило около 30 человек. Потом, когда навоз стал использоваться в качестве удобрения, люди стали селиться: было удобнее на открытых пространствах иметь пашню и совместно ее обрабатывать. В этом исследовании вычислена кривая среднего расстояния между селами. Сначала оно большое, потом, с ростом числа сел, сокращается, достигает порога в 2,25 км. Это барьер, за которым начинаются слияние и укрупнение поселений и вновь увеличивается расстояние между селами. Ранее были опубликованы результаты аналогичной работы по 10 странам (Россия, Индия, Япония, США, Великобритания, Франция, Италия, Испания, Канада, Германия) и получена такая же существенно нелинейная кривая среднего расстояния между селами [14].

Таким образом, сложный нелинейный процесс расселения оказывается универсальным для разных стран, а вот урожайность и менталитет - разные. Думаю, что в процессах социально-экономического и социально-культурного развития существует взаимодействие универсальных и уникальных свойств. Универсальные свойства мало известны, они знакомы нам, скорее, на качественном, вербальном уровне. А для того чтобы управлять социально-политическими и социально-экономическими процессами, их нужно выразить в количественном виде. Научная задача состоит в том, чтобы соединить эти ветви знания и дать возможность управляющим органам опираться не просто на опыт более продвинутых в каком-то отношении стран, а учитывать всю специфику.

Пример расчета долговременного влияния культуры на экономику России

В соответствии с изложенными теоретико-методологическими предпосылками, решение проблемы измерения взаимовлияния культуры и экономики, по моему мнению, целесообразно искать на путях сопоставления долговременной погодовой колеблемости их показателей. Более того, думаю, что раскрыть тайны и особенности развития российского общества в целом можно только на базе анализа долговременных погодовых многомерных динамических рядов показателей разных сторон экономики и культуры.

Однако на этом пути возникли исключительные трудности, связанные с пробелами и заведомой фальсификацией статистической информации. Более того, складывается впечатление, что большая ложь была всегда нужна для устойчивого воспроизведения российского менталитета как смазка в механизме паранормального архаического осмысливания быстротекущих изменений.

Первые работы по возможно достоверной реконструкции макропоказателей России за два с половиной столетия относятся к концу 1960-х - началу 1970-х годов. Часть авторской реконструкции отражена в [14]. Развивая этот подход, пришлось в первую

очередь создать исчерпывающую источниковедческую базу по экономической истории и статистике России. В результате тридцатилетних усилий к настоящему времени по этой тематике удалось обработать примерно 35 тыс. наименований книг и статей на русском языке и 15 тыс. на иностранных языках, опубликованных за период с 1700-го по 1995 год (без региональной и отчасти отраслевой тематики). Подбор и систематизация источников продолжается, но уже сейчас этого массива оказалось достаточно, чтобы с помощью первичных данных и имитационного моделирования реконструировать

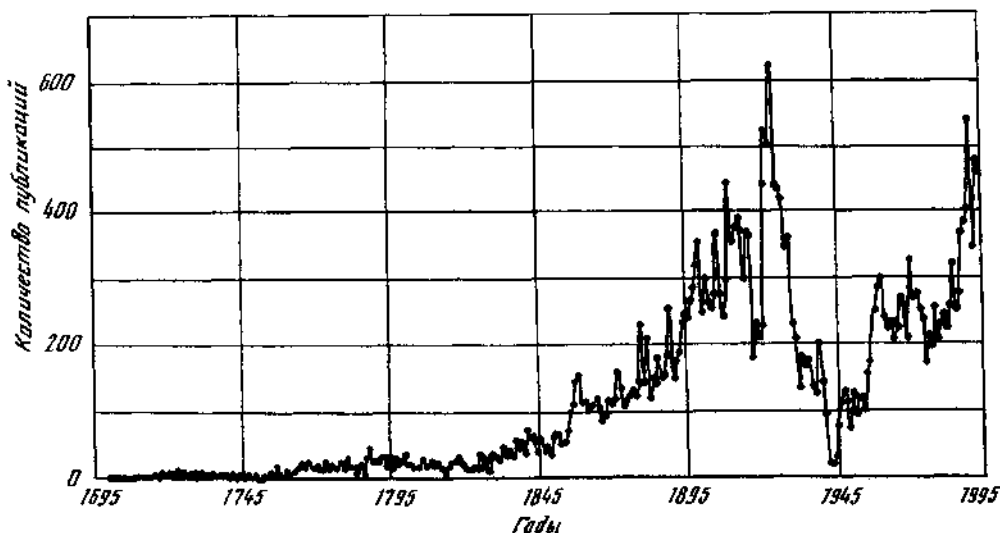

Рис. 1. Динамика публикаций по социально-экономической истории и статистике России на русском языке

ровать 150 основных показателей развития экономики и культуры России за каждый год трех последних столетий в границах страны на соответствующую дату. Такой массив сплошных данных позволил совершенно по-новому взглянуть на совокупность взаимосвязанных, но далеко отстоящих по отраслям знаний процессов. Приведу лишь некоторые примеры, иллюстрирующие направление поиска долговременных взаимосвязей культуры и экономики.

В первую очередь сам накопленный массив библиографических карточек явился исходной базой для анализа динамики той части элитной культуры, которая ассоциируется с самосознанием собственной экономической истории и статистики. Следует добавить, что большая часть гуманитарного научного потока печатной информации, особенно в XVIII и XIX веках, касалась исторических разысканий и значительного массива официальных статистических публикаций. Во всей научной и художественной литературе XIX века усматривается повышенный, жгучий интерес к истории страны. Он продолжался до середины 20-х годов текущего столетия, затем резко спал и только в самое последнее время стал приближаться по числу публикаций к пику 1925 года. Отмеченные особенности потока публикаций по социально-экономической истории и статистике России отражены на графике (см. рис. 1). Следует заметить, что аналогичный график по иностранным публикациям, который здесь не приводится, не имеет провалов и носит характер монотонного нарастания величины потока.

Уже сам характер потока информации на русском языке по рассматриваемой тематике говорит о многом. На нем явно видны переломные периоды роста потока, колебания, которые предстоит в дальнейшем сопоставить с изменчивостью других показателей. Четко просматривается исключительный провал содержательной информации по количественной истории страны в сталинское время.

Это абсолютные величины или - образно - валовая продукция элитной культуры по самоосознанию социально-экономической истории, иначе - научной рефлексии на протекавшие процессы, желание в большинстве случаев актуализировать исторический опыт и исподволь участвовать в управленческих решениях. Поэтому анализ подобной информации в принципе не ограничивается только источниковедческим подходом: за ним стоит вся арена борьбы и переживаний протекавших событий в ретроспективном восприятии современников.

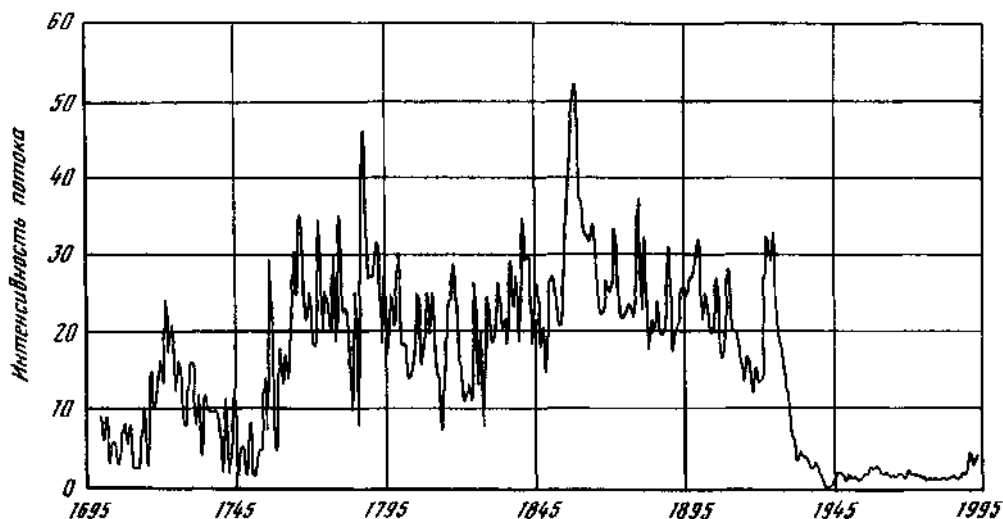

Рис. 2. Интенсивность потока по социально-экономической истории и статистике России на русском языке (количество публикаций, деленное на грамотное население в городах)

Чтобы более адекватно отобразить реальные процессы в элитной культуре по осознанию истории России, применим анализ по относительным величинам, полагая, что поток печатной продукции мог быть востребован только населением, которое потенциально могло до нее добраться. Практически это грамотное население, проживавшее в городах. Соответствующий график показан на рисунке 2. В итоге получен совершенно неожиданный результат:

- относительный поток на протяжении всего XIX века и до середины 20-х годов XX века был примерно в 2,5 раза больше, чем в XVIII веке, и в 10(!) раз больше, чем во второй половине XX столетия;

- прослеживаются по крайней мере три крупных всплеска относительного потока - первая четверть XVIII века, последняя четверть XVIII века, 60-е годы XIX века;

- относительное разнообразие информации, фиксируемое по числу печатных работ на душу читающей публики, достигало некоторого максимума, а затем откатывалось обратно, т.е. элитная культура по самоосознанию истории страны за весь период находилась в состоянии маятника, амплитуда колебаний которого на порядок уменьшилась во второй половине XX века;

- последний пункт свидетельствует о явной деградации культурного освоения собственной истории во второй половине текущего столетия, о стремительном засорении ее существенно искаженными данными в угоду идеологическим доктринам.

Наибольшие искажения за советское время касались реальных затрат экономики на оборону. Без их хотя бы приблизительного отслеживания невозможно представить реальную структуру экономики страны, соответственно, выявить связи ее с культурой. На рисунке 3 показана одна из версий реконструкции военных расходов: до сере-

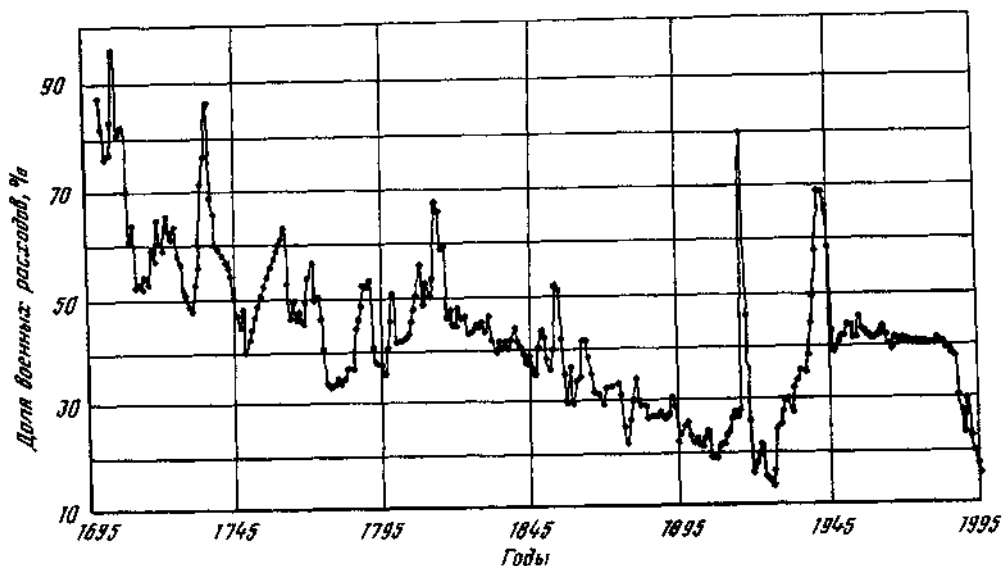

Рис. 3. Доля прямых военных расходов в государственном бюджете России

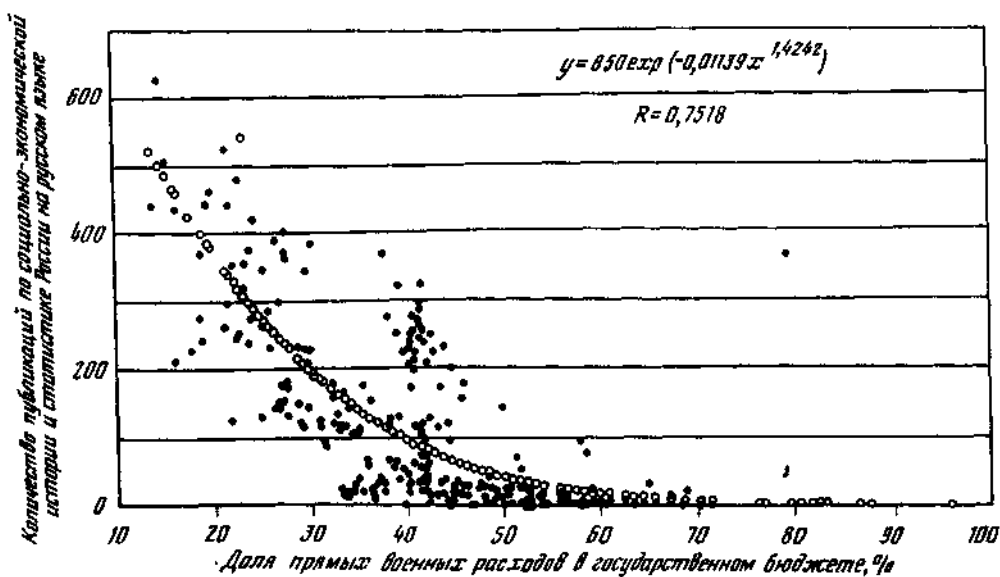

Рис. 4. Зависимость количества публикаций от военных расходов

дины 20-х годов XX века на основании отчетных данных, далее реконструированных с помощью методов имитационного моделирования. Так как эти расходы показаны в процентной доле от расходного бюджета страны, по имеющим место тенденциям можно косвенно судить о возможностях расходов по другим статьям бюджета и, в частности, о потенциальной способности трат на образование и культуру.

За сложным процессом динамики военных расходов в государственном бюджете стоит вся экономика страны. Детальный анализ этих данных - дело будущего. А сейчас видно, что максимумы абсолютного числа публикаций совпадают исторически с минимумами доли военных расходов и наоборот. То есть содержательно видна связь этих двух далеко отстоящих друг от друга динамических рядов. Проверка этой связи

на математико-статистическом уровне показана на рисунке 4, в результате получена удовлетворительная статистическая связь. В дальнейшем можно будет перейти к многофакторным статистическим связям, в которых публикации станут иметь значительное, но не исчерпывающее влияние.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гольц Г.А.* Коллективная и индивидуальная интуиция в России // Мир психологии. 1996. №4.
2. *Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта. В 2 т. Новосибирск, 1997.
3. *Ахиезер А.С.* Культурно-исторические основания хозяйственных решений в России // Проблемы прогнозирования. 1998. № 4.
4. *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.
5. *Бокарев Ю.П.* Бунт и смирение (крестьянский менталитет и его роль в крестьянских движениях) // Менталитет и аграрное развитие России (XIX-XX вв.). М., 1996.
6. *Першин П.Н.* Аграрная революция в России. Историко-экономическое исследование. Кн. 1. М., 1961.
7. Сельское хозяйство СССР. Статистический справочник. М., 1988.
8. *Раунер Ю.М.* Климат и урожайность зерновых культур. М., 1981.
9. *Жуковский Ю.Г.* Население и земледелие. СПб., 1907.
10. *Чернов С.* Статистическое описание Московской губернии 1811 года. М., 1812.
11. *Янжул И.И.* Национальность и продолжительность жизни (долголетие) наших академиков. СПб., 1913.
12. *Owen T.C.* Russian Corporate Capitalism from Peter the Great to Perestroika. New York, 1995.
13. Проблемы исторической демографии СССР. Таллин, 1977.
14. *Гольц Г.А.* Динамические закономерности развития системы городских и сельских поселений // Вопросы географии. 1974. Сб. 96.